

ЦЕНЗОРИН

КНИГА О ДНЕ РОЖДЕНИЯ (К КВИНТУ ЦЕРЕЛИЮ)

I. В подарки, что блещут золотом или серебром, ценнейшие чеканкой, нежели составом, и в прочие подобные милости фортуны впивается взором тот, кого толпа зовет богатым; но тебя, Квинт Церелий¹, не менее богатого добродетелями, чем деньгами, а значит, поистине богатого, они не трогают, — не потому, чтобы ты вовсе отверг от себя не только владение, но и самое пользование всем этим, но оттого, что, наставленный в учении мудрых, понял вполне: все вещи такого рода, непрочные в своем основании, не плохи и не хороши сами по себе, но из τῶν μέσων, т. е. кажутся лежащими посередине между благом и злом. Это, как говорит комедиограф Теренций, «от характера зависит: кто сумеет всем воспользоваться, благо тем; кто не умеет, тем во зло»². А поскольку всякий не тем богаче, чем больше имеет, но чем меньше желает, величайшие богатства у тебя в душе, и при этом не только превосходящие блага рода людского, но впрямую приближающиеся к вечности бессмертных богов; как пишет сократик Ксенофонт: «Ни в чем не нуждаться — удел богов, а в самом малом — ближе всего к богам»³. И потому, коль скоро богатых подарков ни тебе не нужно из-за твоей доблести, ни у меня не осталось из-за моей бедности, посылаю тебе то, что моими стараниями собрано для книги с именованным заглавием. В ней я не стал, как водится у многих, заимствовать ни из этического раздела философии наставления о блаженной жизни, чтобы записать их для тебя, ни отрывки из искусных риториков — чтобы умножить тебе хвалу: ведь ты уже поднялся на такую вершину добродетели, когда жизнью и правилами своими превзошел и то, в чем наставляет мудрость, и то, что превозносит красноречие, — но выбрал я кое-какие вопросики из филологических заметок, такие, что, будучи собраны вместе, они смогли образовать некий свиток. И, скажу наперед, сделал я это, не стремясь поучать и не желая отличиться, дабы нельзя было сказать обо мне по праву, как в старой пословице: «Свинья — Минерву». Но зная, сколь многому я научился, сблизившись с тобой, и чтобы не выглядеть неблагодарным к твоим благодеяниям, последовал я примеру наших древних святейших мужей. А они, считая пищу, родину, свет, наконец, самих себя даром богов, от всего что-нибудь посвящали богам, более стремясь выказать свою благодарность, нежели полагая, будто боги в том нуждаются. Так, постановили, — когда соберут плоды, прежде чем вкушать, приносить долю богам; и поскольку полями и городами владели как подарком богов, какую-то часть их отводили под храмы и святилища, где тех почитали; а иные за здравие прочего тела выращивали волос, посвященный богу. Вот так и я тебе, от которого мною больше почерпнул в науках, воздаю этим скромным приношением.

II. А теперь, коль скоро книга названа «О дне рождения», да совершатся ауспicii по обету! Итак, «нынешний день ты отметь» как говорит Персий, «камешком лучшим» (молюсь, чтобы ты делал это часто-пречасто!) и, как он же добавляет, «гению лей ты вино»⁴.

Здесь кто-нибудь, может быть, спросит, почему он думает, что гению нужно возливать вино, а не приносить жертву? Да потому, как свидетельствует Варрон в кни-

¹ О разночтениях в написании данного имени см. во вводной статье.

² *Ter.*, *Heaut.* 195 sq. (пер. А. В. Артюшкова).

³ *Xen.*, *Mem.* I, 6, 10 (слова Сократа); любимый афоризм Дипсена Спнопского (*Diog. Laert.*, 6, 105).

⁴ *Pers.* II, 1—3 (пер. Ф. А. Петровского).

ге, название которой «Аттик, или О числах», что у предков наших было в обычае и в установлениях: принося в день рождения гению ежегодный дар, сохранять руки чистыми от смерти и крови и не отнимать света у других в тот день, когда сами его обрекли. Наконец, и на Делосе у алтаря Аполлона Отчего, по сообщению Тимея, никто не забывает жертв. И еще надо соблюдать в этот день, чтобы от принесенного гению никто не отвдал прежде самого приносителя.

III. Но, думается, нужно разрешить и то, о чем иные часто спрашивают: кто такой гений и почему каждый из нас почитает преимущественно его в день своего рождения? Гений — это бог, под защитой которого живет всякий, родившись. Потому ли, что его заботами мы рождаемся, или потому, что он рождается вместе с нами, или даже потому, что нас новорожденными принимает и хранит, — но, определенно, гением он назван по связи с рождением (а *genendo*). Многие древние передают, что гений и лар — одно и то же (среди них Граний Флакк⁵ в оставшейся от него книге о молитвенном каноне, написанной им для Цезаря). Верили, будто гений имеет над нами наивысшую, если вообще не полную власть. Кое-кто считал, что почитать надо двух гениев, по крайней мере, в домах, где есть супруги; а сократик Эвклид говорит, что вообще к каждому из нас приставлено по паре гениев (о чем можно узнать у Луцилия в XVI книге «Сатур»). Итак, всю жизнь мы каждый год преимущественно почитаем гения, хотя он не один, но есть и иные божества, поддерживающие — каждое по-своему — человеческую жизнь (желающего узнать о них вполне просветят книги молитвенного канона). Но все они одновременно являют в каждом человеке действие своих божественных сил, и оттого не вызываются на всем протяжении жизни отправлениями все новых обрядов. А гений — неизменный попечитель — так приставлен к нам, что и на миг не отступает в сторону, но принятым из чрева матери сопутствует до последнего дня жизни. Но если все люди почитают их по отдельности, лишь своих и прирожденных, то я, что ни год, обязан этим обрядом дважды: ибо обретая в тебе и в твоей дружбе честь, гордость, украшение и опору, наконец, все блага жизни, я счел бы нечестивым день твой, произведший тебя на свет для меня, праздновать нерадивее своего собственного. Тот дал мне жизнь, а этот — усладу и красоту жизни.

IV. Поскольку жизнь берет начало в день рождения, но есть многое, предшествующее этому дню и касающееся возникновения человека, излишним кажется прежде сказать о том, что стоит прежде по природе. Потому из мнений, которые бытовали у древних о возникновении людей, изложу кое-какие вкратце.

Первым и главным предметом изысканий среди старинных ревнителей мудрости было следующее: коль скоро известно, что люди происходят по отдельности из семени своих родителей и переживают много веков в наследующем потомстве, то одни полагали, будто люди были всегда и иначе, как от людей, никогда не рождались и нет их роду ни возникновения, ни истока, а другие — что было время, когда не существовало людей и природой им положено некое происхождение и начало. То, первое суждение, утверждающее, что род человеческий был всегда, исходит от Пифагора Самосского и Окелла Луканского и Архита Тарентского и вообще — от всех пифагорейцев; но и афинянин Платон, и Ксенократ, и Дикеарх Мессенский, а равно и философы старой Академии, как представляется, думали не иначе. То же самое писали и Аристотель Стагирит и Феофраст и кроме них многие видные перипатетики⁶. Как пример тому приводят полнейшую невозможность узнать, птицы ли порождены были прежде или яйца, ибо ни яйцо без птицы, ни птица без яйца появиться не может; также, говорят, и всему, что в вечном этом мире всегда было и всегда будет, не было никакого начала, но есть некий круг производящих и рождающихся, в котором видится вместе и начало и ко-

⁵ Гранию Флакку, современнику Варрона (*Macrob.*, I, 184; *Arnob.*, III, 31), помимо труда *De indigitamentis* (собрание формул обращения к богам и умолиственных их, что может быть условно переводимо как «молитвенный канон» или «молитвенный устав») принадлежали также комментарии к «царским законам» (*Paul.*, Dig. L 16, 142). Поскольку Цензорин (см. ниже) полагает это собрание доступным для всякого любопытного, нет оснований сомневаться в том, что он мог быть непосредственно знаком с трудом Грания Флакка, но следы его использования не очень значительны.

⁶ *Varro*, rust. II, 1 (ссылки на Пифагора, Аристотеля и Дикеарха); *Ocell.*, 2 sq. (см. *Beutler R. Okellos.* — In: RE, Nbd. 34, Sp. 2366 f., с параллелями из Филолая, Стобея и Филона); ср. *Plat.*, leg. 6, 781 c.

нец всякому роду⁷. Те же, кто верил в неких первородных людей, сотворенных природой или божеством, были многочисленны; но мысль эта поворачивалась у них то так, то этак. Даже если опустить баснословные истории поэтов, будто бы первые люди у Прометея из мягкой глины повылепались или у Девакалиона и Пирры из твердых камней повылупились, то ведь кое-кто из самих наставников в мудрости на основании своих выкладок провозглашал мнения... не знаю, не более ли чудовищные, но, очевидно, не менее невероятные: так, Анаксимандр Милетский — якобы представляется ему, что из разогретых воды и земли произошли то ли рыбы, то ли животные, подобнейшие рыбам; в середине их выросли люди, и плоды, до зрелости пребывавшие внутри, тогда лишь вышли на свет, разорвав этих тварей, в виде мужчин и женщин, уже способных себя прокормить. А Эмпедокл в своей презренной поэме (которую пославляет Лукреций в том духе, будто и «подумать нельзя, что рожден он от смертного корня»⁸) утверждает такое: сперва разрозненные члены явились повсюду как бы из беременной земли, затем сошлись и образовали состав целого человека, смешанный вместе и с огнем и с влагой. Что нужно разбирать прочее, ни капли не похоже на правду? То же самое мнение находим и у элиата Парменида с небольшими отступлениями от Эмпедокла. Демокриту же Абдерскому представилось, будто люди сперва произошли из воды и грязи. Недалеко ушел Эпикур; ибо он верил, якобы при разогревании грязи невесть какие чревеса, вросшие в основу земли, впервые разрослись и выпущенным из себя младенцам предоставили при помощи природы исконную молочную влагу; каковые, будучи воспитаны таким образом и выросши, распространили род людей. Зенон Китионский, основатель школы стоиков, думал, что начало человеческому роду положено с возникновения мира и первые люди родились при помощи одного лишь божественного огня (то есть провидения бога). Наконец, и чернь верит, согласно множеству сочинителей генеалогий, в земнородных предков иных племен (не происходящих от чужеземного корня, например, в Аттике, Аркадии и Фессалии) и прозывает их автохтонами. То, что в Италии нимфы и туземные фавны прежде обитали в неких рощах, — это без труда приняло доверчивое невежество древних. А нынче разыгравшаяся поэтическая вольность дошла до вымыслов, едва переносимых даже для слуха: будто на памяти людской, когда уже возникли племена и были основаны города, люди разными способами появлялись из земли: например, в Аттической области, как говорят, — Эрихтоний, происшедший из почвы от семени Вулкана, а в Колхиде или Беотии — из посеянных змеиных зубов — вооруженные Спарты, истребившие друг друга, по преданию, в междоусобной битве, так что уцелели лишь немногие, бывшие в помощь Кадму при основании Фив. И так же, рассказывают, в Тарквиниях на поле был выкопан божественный мальчик по имени Таг, песней возвестивший науку гадания по внутренностям, которую записали лукумоны, в ту пору властвовавшие в Этрурии⁹.

V. Достаточно сказано о первоначалах людей; далее расскажем, насколько смогу, сжато, то, что относится к нынешним нашим рождениям и их основам.

Итак, откуда исходит семя, — наставникам в мудрости точно неизвестно. Ибо Парменид думал, что оно появляется как из правых, так и из левых гениталий; Гиппону же Метапонтийскому (или, по Аристоксену, — Самосскому) представлялось, будто семя изливается из костного мозга, и подтверждалось это тем, что если кто после случки скота забивает самцов, то костного мозга не обнаруживает, точно тот исеяк. Но кое-кто это мнение опровергает, как, например, Анаксагор, Демокрит и Алкмеон Кротон-

⁷ Так, с ошибкой — *unius quisque* (см. *cuiusque*) *gentis* — в списке *C*. Список *V* дает *unius cuiusque genti* «всего рожденного».

⁸ *Lucr.*, I, 733 (пер. Ф. А. Петровского); собственно — «от корня людского» (*humana... stirpe*); нюанс, существенный в контексте иронической цензориновской цитаты. Об использовании поэмы Лукреция в трактате см. *Washink J. M. La creation des animaux dans Lucrece. — Revue Belge de Philologie et d'histoire*, 1964, 42, p. 48—56.

⁹ Один из важнейших культурных мифов Этрурии (ср. пересказы — *Cic.*, de div. II, 50; *Ovid.*, Met. XV, 553 sq.; *Serv.*, Aen. II, 781; *Lyd.*, de ost. 3). Свидетельства Иоанна Лида побуждают думать, что изначально — это миф о возникновении «этрuscoго учения» (*disciplinae Etruscae*) с такой его определяющей чертой, как бронтоскопия, — гадание по молниям (*Lyd.*, de ost. 27; видимо, сюда же примыкало учение о землетрясениях — *Lyd.*, de mens. IV, 79); в античности *disciplina Etrusca* — явление глубоко специфическое — обычно не смешивалась с широко распространенным гаданием по внутренностям (см., например, ниже, гл. XVII; *Etrusci pro haruspicii disciplinaeque suae peritia...*), во всяком случае не сводилась к нему.

ский: они отвечают, что после совокупления скотины у самцов иссякает не только костный мозг, но и внутренний жир и много мяса. А еще разногласие между авторами возникает в том, рождается ли плод лишь от отцовского семени, о чем пишут Диоген с Гиппоном и Стоики, или вместе от материнского, как казалось Анаксагору и Алкмеону, и так же Пармениду, Эмпедоклу и Эпикуру¹⁰.

VI. Относительно образования плода Алкмеон признался, будто нет для него вещи более неясной, полагая и ни для кого не возможным провидеть, что прежде всего образуется в теле ребенка. Эмпедокл, за которым в этом следует Аристотель, рассудил, что прежде всего вырастает сердце, ибо в нем более всего заключается жизнь человека, а Гиппон — что голова, в которой начало духа; а по Демокриту — чрево и голова, где больше всего пустоты; по Анаксагору — мозг, откуда все чувства. Диоген из Аполлонии считал, что из влаги сперма образуется плоть, а после из плоти возникают кости и жилы и прочие части. А Стоики говорили, что сразу складывается весь ребенок в целом, как в целом он и рождается и вскармливается. Одни мыслят, будто происходит это по самой природе (так, например, Аристотель и Эпикур); другие — силой духа, согустствующего семени (так почти все Стоики); третьи считают, идя за Анаксагором, будто имеется внутри эфирное тепло, которое располагает члены. Однако как бы ни сложился младенец, два мнения существуют и о том, каким способом он кормится в материнском чреве. Анаксагору и многим прочим казалось, что пища доставляется через пуповину, Диоген же и Гиппон решили, якобы есть в пищевод какой-то выступ, который младенец захватывает ртом и так из него тянет питание, как, родившись, из материнских грудей¹¹.

Далее, какова причина тому, что рождаются мужчины или женщины — по-разному говорится у тех же философов. Так, Алкмеон сказал, — от кого из родителей получено больше семени, тот пол и представлен; Гиппон же утверждает: из более жидкого семени появляются женщины, из более густого — мужчины; которого родителя естество раньше займет место, то и обнаружится, — высказался Демокрит; а по Пармениду, борются свойства женщины и мужчины, и проявляется то, за которым осталась победа. Согласно между собой Анаксагор и Эмпедокл, что от семени, пролитого из правых гениталий, рождаются мужчины, а из левых — женщины. Но насколько их мнения в этом совпадают, настолько же расходятся: касаясь сходства детей с родителями. Эмпедокл об этом, поразмыслив, высказал следующее: если равное тепло в семени родителей, родится мальчик, похожий на отца; если равный холод — девочка, похожая на мать; а если отцовское горячее, а материнское холоднее, будет мальчик, лицом напоминающий мать; а если горячее материнское, отцовское же холоднее, — будущая девочка обнаружит сходство с отцом. А Анаксагор рассуждает так, что дети являют облик родителя, внесшего больше семени. Есть, кроме того, утверждение Парменида: когда правые части дадут семя, тогда дети похожи на отца; когда левые — тогда на мать¹². Далее Гиппон полагает относительно близнецов; то, что они иногда рождаются, происходит из-за количества семени; когда его больше, чем нужно на одного, оно выходит разделенным надвое. Кажется, Эмпедокл думает почти так же, хотя он не излагает причин, по которым это происходит, но просто говорит о происходящем делении на части, и что если обе они занимают равно теплые места, родятся двое мужчин, если

¹⁰ Ср. обзор мнений досократиков в *Arist.*, gen. an. 4, 1 (736b—764a). Отмечаются многочисленные точные параллели между доксграфическими перечнями у Цензорина и доксграфическим сборником Аэтия (I—II вв. н. э.); см. *Diels H. Doxographi Graeci*. 2 Aufl. B., 1929, S. 189—197 (специально Abt. 5, 3; 5, 5, 5, 7), также *Карпов В. П.* Аристотель и античная эмбриология. — В кн.: *Аристотель. О возникновении животных*. М.—Л., 1940, с. 8—19; об Алкмеоне особо см. *Lesky E. Alkmaion bei Aetios und Censorin*. — *Hermes*, 1952, 80, S. 249—259. Значительные фактические расхождения между цензориновской компиляцией и аналогичной сводкой у Аристотеля, видимо, неутченной Цензорином, утверждает во мнении, что эмбриологические суждения Аристотеля также цитируются в «Дне рождения» из вторых рук, — вероятно, по тому же источнику, что и досократики.

¹¹ Ср. *Arist.*, gen. an. 2, 4 (740a); Aet. 5, 16 sq. (*Diels*. Op. cit., S. 426 f.). О Демокрите см. во вводной статье в связи с работой О. Андерсена, дающей прочие основания для дословного перевода странного, на первый взгляд, оборота *alvum cum capite, quae pluvium habent ex inani*.

¹² Мнение Парменида, к сожалению, передано у Цензорина очень невнятно, но из Аэтия (5, 11, 2) ясно, что цензориновские *partes*, определяющие сходство ребенка с отцом или с матерью, — это стороны *matrix*.

равно холодные, то две женщины, а если одной холоднее, другой теплее, будут новорожденные разного пола¹³.

VII. Остается сказать о времени, за которое плод обычно созревает для рождения. Эту часть мне следует рассмотреть тщательнее, поскольку здесь кое-что неизбежно касается астрологии, музыки и арифметики.

Даже в том, на который месяц после зачатия обыкновенно появляются младенцы, хотя это и часто обсуждалось среди древних, до сих пор нет согласия. Гиппон Метапонтийский определил, что роды могут произойти с седьмого месяца по десятый. Ибо в седьмой плод уже созрел, поскольку во всем семерка — самое могущественное число; мы складываемся за семь месяцев, а еще через столько же начинаем держаться прямо; после семи месяцев у нас появляются зубы; также и выпадают они после семи лет, а на 14-м году начинает появляться растительность на лицах. Но эта зрелость, начинающаяся с семи месяцев, затягивается до десяти, потому что и во всем прочем есть то же природное свойство, чтобы к семи месяцам или годам для завершения добавлялись три месяца или года. Так, зубы у младенцев в семь месяцев появляются и вырастают к десяти, на седьмом году выпадают первые из них, на десятом — последние; у иных волосы на лице отрастают с 14 лет, но у всех — к 17. С его мнением прочие частично спорят, частично согласны. То, что женщина может родить на седьмом месяце, большинство подтверждает, как-то: пифагорейка Теано, перипатетик Аристотель, Диокл, Эвенор, Стратон, Эмпедокл, Эпиген и многие другие, чье единодушие не смутило Эпигена Книдского, это самое непоколебимо опровергнутого. Вопреки ему, почти все, следуя за Эпихармом, отрицают возможность родов на восьмом месяце; впрочем, Диокл Каристий и Аристотель Стагирит думают иначе. А что до девятого и десятого месяцев, если большинство халдеев и вышеназванный Аристотель допускают в это время появление младенца, то для девятого это оспаривает Эпиген Византийский, а для десятого — Гиппократ Косский. В остальном лишь Аристотель принимает 11-й месяц, прочие единогласно отвергают¹⁴.

VIII. А теперь следует вкратце рассмотреть соображения халдеев и разъяснить, почему они считают, будто люди могут рождаться исключительно на седьмом, девятом и десятом месяце. Прежде всего, говорят они, дела наши и жизнь подвластны светилам, как блуждающим, так и неподвижным; их сложное, многообразное течение родом человеческим управляет, но сами их пути, и строй, и воздействие часто солнце изменяет: ибо что одни в покое, а другие в движении и влияют на нас своим расположением, — все совершается властью солнца. Оно, которым движимы светила, движущие нами, дает нам и душу, направляющую нас; оно всего могущественней над нами и определяет, как скоро после зачатия произойдем мы на свет. Но делает оно это под тремя углами — к о н с п е к т а м и. А что такое к о н с п е к т и и каковы его виды, — немного поведаю, чтобы было яснее¹⁵.

Как говорят, есть звездный круг, который греки зовут ζωδιακὸν, где движутся солнце и луна и остальные подвижные светила. Он поровну разделен на 12 частей, соответственно стольким же знакам. Солнце покрывает его на протяжении года; стало быть, в каждом из знаков пребывает примерно по месяцу. Но любой знак с каждым из остальных имеет взаимный к о н с п е к т; однако не один и тот же со всеми, ибо одни считаются сильнее, другие слабее. Следовательно, в то время, когда происходит зачатие, солнце по необходимости находится в каком-то знаке и в какой-то его части, которую, собственно, и зовут «местом зачатия». Частей этих в каждом знаке 30, а во всем зодиаке 360. Греки их именуют μοίρα, видимо, оттого, что Мойраи прозывают богинь судьбы, а эти части нам как судьбы, так как самое главное — при восходе кото-

¹³ Значит ли это, что в случае с близнецами Эмпедокл отступает от только что приведенного мнения, по которому пол новорожденных определяется лишь особенностями отцовского семени? Думается, вряд ли, и здесь очень важно выражение в ссылке на Гиппона — bifariam deduci «исходит, разделенное надвое». Если не принимать совершенно излишней конъектуры К. Катавделлы diduci (*Cataudella Q. U. Sopra due luoghi di Censorino. — Rivista Italiana di Filologia Classica*, 1961, 39, p. 184 sqq.) оказывается, что близнецный характер плода, как и распределение половых признаков, по Эмпедоклу, независимы от условий созревания, т. е. от влияния матери.

¹⁴ Ср. *Arist.*, hist. an 7, 4 (583b—584b); *Hippocr.*, de carn. 19; *Aet.*, 5, 18 (*Diels*. Op. cit., S. 428 f.).

¹⁵ Ср. *Manil.*, II, 260—384.

рой мы скорее всего родились. Стало быть, перейдя в соседний знак, солнце смотрит на это место зачатия под очень незначительным конспектом или даже вовсе его не видит. Ибо большинство отрицает, что соседние знаки зодиака как-то видят друг друга; а когда оно в третьем знаке, то есть один лежит посередине, тогда, говорят, оно впервые видит место, откуда начало путь; но видит при очень косом и бессильном свете. Этот конспект зовется *κατὰ ἑξάγωνον*, поскольку охватывает шестую часть круга. Ведь если одну за другой провести такие же линии, как из первого знака в третий, так из третьего в пятый и так далее, то в круг впишется фигура равностороннего гексагона. Этот конспект не все и не всегда принимают в расчет, потому что он, как кажется, менее всего соотносится с созреванием плода. Когда же солнце попадает в четвертый знак и три лежат посреди, оно смотрит *κατὰ τετράγωνον*, так как линия взгляда отсекает четвертую часть круга. А когда оно в пятом знаке и три в промежутке, то взирает *κατὰ τρίγωνον*: этот взгляд отмеряет третью часть зодиака. Эти две точки зрения — под тетрагоном и под тригоном, — будучи особо действенны, весьма способствуют росту плода. Далее, конспект из шестой точки не производит никакого действия, поскольку его линия не образует стороны ни одного из многоугольников. А из седьмого знака, противоположащего, сильнейший и полнейший конспект выводит наружу отдельных, уже зрелых младенцев, что зовутся семимесячными, рождаюсь на седьмом месяце. А если до этого срока чрево не смогло созреть, то рожают не на восьмом месяце, — ведь из восьмого знака, как из шестого, взгляд бездействен, — но на девятом или десятом, ибо из девятого знака солнце вновь смотрит на участок зачатия *κατὰ τρίγωνον*, а из десятого — *κατὰ τετράγωνον*, каковые конспекты, как уже выше сказано, особенно действенны. Наконец, не предполагают родов на одиннадцатом, потому что тогда слабый свет посылается уже под незначительным углом *κατὰ ἑξάγωνον*; тем менее — на двенадцатом, где конспект считается нулевым. Итак, согласно этим выкладкам, *ἐπτάμηνοι* [семимесячные] рождаются *κατὰ διάμετρον*, а *ἐννεαμηνοί* [девятимесячные] — *κατὰ τρίγωνον*, *δεκάμηνοι* [десятимесячные] — *κατὰ τετράγωνον*.

IX. Разъяснив это суждение халдеев, перейду к пифагорейскому мнению, изложенному у Варрона в книге, что называется «Туберон» с подзаголовком внутри: «О началах людей»¹⁶. Это мнение выглядит самым приемлемым и наиболее приближающимся к истине. Ибо большинство прочих, несмотря на то, что не все из плодов созревают в одно время, всем им давали на формирование один и тот же срок, например, Диоген из Аполлонии, говоривший, что у мужчин тело складывается за четыре месяца, а у женщин — за пять, или Гиппон, который писал, будто младенец складывается за 60 дней, и на четвертый месяц сгущается плоть, на пятый — появляются волосы и ногти, а на седьмой — уже готовый человек. Пифагор же утверждал (и это правдоподобнее), что бывают два вида младенцев — семи- и десятимесячные, но первый вид складывается за одно число дней, а последний — за другое. А те числа двей, которые в каждый плод вносят какие-то перемены, — пока семя обратится в кровь или кровь в плоть или плоть в фигуру человека, — соотносясь между собой, являют тот же порядок, что глоссы, которые в музыке зовутся *σμφωνοί*.

X. Но чтобы было доступнее для понимания, здесь нужно рассказать кое-что о музыкальных правилах, тем более что говорить я буду о вещах, неведомых самим музыкантам¹⁷. Потому что разумно исследовать звуки и в соразмерном порядке воссоздать их строй, и для самих звуков открыть образ и меру движения, — дело скорее геометра, нежели музыканта. Итак, музыка — наука верной постановки звучания (*bene*

¹⁶ По признанию Цензорина, в основе главок IX—XIV лежит раздел книги Варрона; популярно, однако мнение, по которому к ней же восходят и предыдущие главки, начиная с IV, и автор «Туберона» мог послужить основным источником знакомства Цензорина и с Аристотелем, и с досократиками (см. *Wissowa G. Censorinus*. — In: RE, Hbd. 6, Sp. 1909, *Diels*. Op. cit., S. 190 f.). Определенную параллель находим в гл. XVII, где выдержка из варроновской книги «De saeculis» (ср. *Serv.*, Aen. VIII, 526) открывается ссылкой на этрусские книги и лишь в конце упоминается имя Варрона, — прием, как бы увеличивающий в глазах читателя число источников, непосредственно использованных автором.

¹⁷ Профессионально-музыкаловедческий анализ данной главки см. *Bouvet Ch. Censorinus et la musique*. — *Revue de musicologie*, 1933, 17, p. 65—73; *Richter L. Griechische Traditionen im Musikschritum der Römer. Censorinus de die natali, Kapitel X*. — *Archiv der Musikwissenschaft*, 1965, 22, S. 69—98. (здесь же обзор возможных источников).

modulandi); заключена она в звуке, а звук посылается то вниз, то вверх. Отдельные звуки, взятые сами по себе, как бы они ни издавались, называются φόγγοι, а разница, на которую один звук выше, другой ниже, зовется διάστημα. Между самым низким и самым высоким звуком по порядку может быть расположено много диастем, одна другой больше или меньше, как, например, та, что называют τόνος [тон], или меньше ее ἡμιτόνιον [полутон] или промежуток в два или в три или, наконец, в несколько тонов. Но не безразлично перемешанные все вместе и как придется соединенные между собой являют звуки гармоничное действие. Как и буквы наши, если соединить их между собой по-всякому, а не надлежащим образом, не будут часто соответствовать ни словам, ни связи слогов, так и в музыке есть некоторые определенные промежутки, которые могут образовывать симфонию. А симфония — это сладкое согласие двух различных звуков, соединенных между собой. Есть три простые и начальные симфонии, на которых основаны остальные. Одна — имеющая диастему в два тона и полутон, что называется διά τεσσάρων [кварта], другая — в три с полутоном, что называют δια πέντε [квинта]; третья — διά πασῶν [октава], диастема которой включает две предыдущих; она состоит или из шести тонов, как уверяют Аристоксен и музыканты, или из пяти с двумя полутонами, согласно Пифагору и геометрам, показывающим, что два полутона составить целого тона не могут. Поэтому и такой промежуток Платон называет неточно, ἡμιτόνιον, а по-настоящему зовет его διάλεξις¹⁸. А теперь, чтобы стало ясно, каким образом звуки, не доступные ни взгляду, ни прикосновению, могут иметь меру, поведаю об удивительной выдумке Пифагора, который, подстерегая секреты природы, открыл, что «фтоны» у музыкантов сходятся с рядом чисел. Ибо натягивая различными грузами струны, равной толщины и одинаковые по длине, и изменяя грузы по мере того, как при частых ударах по струнам получались звуки, не соединимые ни в какую симфонию, он уловил, наконец, испробовав это много раз: две струны, совместно звуча, дают то, что есть διά τεσσάρων, когда их грузы в сопоставлении образуют пропорцию три к четырем, каковой фтонг греческие математики называют ἐπίτριτον, а латинские — супертерций [один с третью]. А симфонию, что зовется δια πέντε, он открыл там, где веса различались в полуторной пропорции, которую составляют два к трем (так называемый ἡμιόλιον). Когда же одна струна натягивалась грузом в два раза] тяжелее, чем другая (и это был διπλασίον λόγος), тогда начинала звучать διά πασῶν. Он испробовал, выйдет ли это и на флейтах, и получил то же самое. Ибо он изготовил четыре флейты с одинаковой скважиной, но неодинаковые по длине, — скажем, первая была длиной в шесть пальцев, вторая — на треть длиннее, то есть в восемь пальцев, третья в девять пальцев, в полтора раза длиннее первой, четвертая же в 12 пальцев, что дает удвоенную длину первой. Итак, дую в них и сопоставляя их по две, он подтвердил оценкой всех музыкантов на слух: первая и вторая обнаруживают то же согласие, которое являет симфония διά τεσσάρων и здесь пропорция «один к одному с третью»; между первой и третьей флейтой, где полуторная пропорция, раздается δια πέντε; а промежуток между первой и четвертой, где пропорция «один к двум», дает диастему διά πασῶν. Правда, между природой флейты и струны та разница, что флейты, удлиняясь, звучат ниже, а струны с увеличением веса — выше, но пропорции в обоих случаях одни и те же.

XI. Изложив это, хотя, может быть, и не очень ясно, но настолько прозрачно, как только мог, — вернусь к намеченному и поведаю, что думал Пифагор о числе дней, связанных с зачатием. Во-первых, как в основном я упоминал выше, он говорил, будто есть всего два рода младенцев, один меньший, называемый семимесячным, который выходит из чрева на 210-й день после зачатия, а другой — больший, десятимесячный, каковой появляется на 274-й день. Из них первый, меньший, в основном описывается шестеркой. Ведь зачищаемое из семени, как он говорит, в первые шесть дней — молочная жидкость, в последующие восемь — кровяная, а когда эти восемь присоединяются к первым шести, то составляют первую симфонию διά τεσσάρων. На третьей ступени прибавляются девять дней, создающие уже плоть; они, будучи соотнесены с первыми шестью, дают полуторную пропорцию и вторую симфонию δια πέντε. Наконец, в последующие 12 дней тело образуется уже в целости: и точно также соотнесение их с

¹⁸ Н. Залльманн полагает, что здесь почему-то имеются в виду контексты: *Plat.*, *Tim.* 36a5, b2; 59c1(!); см. комментарий к этому месту: *Richter. Op. cit.*, S. 96.

теми же шестью являет третью симфонию, *διὰ τῶν* определяемую двойной пропорцией. Эти четыре числа — 6, 8, 9, 12, соединившись, дают 35 дней. И заслуженно ложится шестерка в основу порождения: ведь греки зовут ее *τέλειον*, а мы — совершенным числом, так как три ее части — одна шестая, одна третья и одна вторая, то есть один, два и три, — составляют ее самое. Но как сперва начало семени и та, молочная основа зачатия, исчерпываются этим числом, так и данное начало уже целого человека, — как бы вторая основа созревания, 35 дней, — повторившись шестикратно, являет зрелость по достижении 210-го дня.

А тот, другой род, который крупнее, описывается большим числом: и это семерка, определяющая всю жизнь человека (так и Солон пишет, и иудеи следуют этому в счете дней, и на то же как будто указывают ритуальные книги этрусков; не иначе поступают Гиппократ и другие врачи в делах телесного здоровья: каждый седьмой день они рассматривают как *χρῖστος*). Если начало тех первых плодов заключено в шести днях, через которые семя обращается в кровь, то у этих — в семи. И как там члены младенца образуются за 35 дней, так и здесь, соответственно, примерно за 40. Потому в Греции особо отмечают 40 дней: ведь и беременная до 40 дня не входит в храм, и после родов большинство рожениц 40 дней слабы и не удерживают крови, и малыши почти все это время болезненны и не улыбаются, и состояние их небезопасно. Потому, когда этот день проходит, обычно устраивают праздник; этот срок называют *τεσσαράκοντα*. И эти 40 дней, помноженные на те семь первоначальных, составляют 280 дней, то есть 70 недель; но поскольку роды происходят в первый день последней недели, то шесть дней отпадают и имеется в виду 274-й день. Это число дней в точности сходится с халдейским конспектом-тетрагоном: ибо если солнце обходит звездный круг за 365 дней и несколько часов, то, по необходимости, за вычетом четвертой части, то есть 91 дня и нескольких часов, три четверти оно пробегает за оставшиеся 274 неполных дня, пока не придет к тому месту, откуда видит точку зачатия под прямым углом.

А откуда мысль человеческая смогла вывести эти дни превращений и раскрыть тайники природы, — пусть никто тому не дивится. Ведь это усмотрел постоянный опыт врачей, которые, заметив, как многие из женщин не удерживают принятого семени, определили: то, что выбрасывается в пределах шести или семи дней, — молочное, и назвали *ἔμρως*, а то, что после, — кровяное и зовется *ἐκτρωσμός*.¹⁹ И хотя оба вида порождений, как представляется, охвачены четным числом дней, Пифагор превозносит нечетное, впрочем не отступая от своего учения. Он говорит, что якобы покрываются два нечетных числа — 209 и 273, к которым для завершения присоединяется какая-то часть от следующего дня, которая, однако, целого дня не дает. Пример тому мы видим в соблюдаемой природой длительности как месяцев, так и лет, ибо природа и нечетное число дней в году — 365 — на сколько-нибудь да увеличивает, и в лунном месяце к 29 дням что-нибудь да прибавляет.

¹⁹ *Arist., hist. an.* 3 (583a 25, b 12); *Hippocr., oct.* 1, 3; *Sept.* 9; *Mul.* 1, 78.

(Продолжение следует)